

— Что ж ты не привёз невестку с племянником в столицу развеяться? — обратился Гоудань к Дэн Цзяхуэю. — Да и остальные тоже хороши. Было бы кому их тут встретить, проводить, а вы все заявили бобылями. Даже Се Сюээ туда же, хотя у него жена прямо здесь, в столице, живёт.

Дэн Цзяхуэй шутливо ткнул в него пальцем и усмехнулся:

— Понимаю, к чему клонишь. Мы-то знаем, какой ты щедрый хозяин, так что не переживай. Но в этот раз решили не суетиться — слишком уж шумно и бестолково вышло бы. Мы тут посоветовались и решили: как-нибудь выберем время и соберёмся всей нашей комнатой из общежития, уже чин чинарем, с жёнами и детьми.

— Вот-во, — подхватил Чжао Шэн. — Да и вообще, ты-то сам когда остепенишься? Все мы уже семейные, у самых младших ребят детишки вот-вот в школу пойдут. А ты всё бобылём ходишь. Соберёмся мы оравой, галдеж, весело, а ты один-одинёшенек сидеть будешь. Разве не тоскливо?

Гоудань лишь улыбнулся в ответ:

— Об этом я как раз и хотел сегодня поговорить. Мы ведь близкие друзья, верно? Посторонним знать ни к чему, а от вас скрывать не стану. Не хочу потом путаться в объяснениях, лучше уж сразу расставить все точки над «и».

Друзья недоумённо переглянулись. Лишь Се Сюээ сохранял спокойствие. Хоть он и преподавал в вузе, в последние годы благодаря Гоуданю тоже неплохо поднялся, и общались они часто. О тайнах старого однокашника он догадывался давно, тем более что Ли Кай не слишком-то и таился.

Поняв, к чему клонится разговор, Се Сюээ мысленно выдохнул с облегчением. Шутка ли — годами в одиночку тащить груз этой тайны, зная, что остальные ни о чём не подозревают? Теперь, когда Ли Кай сам решил раскрыть карты, этот груз наконец-то спадёт с его плеч.

— Женьба? — усмехнулся Гоудань. — Можете за меня не переживать. Я уже давно связал свою жизнь с Ван Сюанем. Сошлись мы гораздо раньше, чем кто-либо из вас обзавёлся семьёй. Да и детишки у нас скоро появятся.

Присутствующие, кроме Се Сюээ, ошеломлённо замерли. В комнате повисла звенящая тишина.

Ван Сюань, сидевший плечом к плечу с Гоуданем, с лёгкой улыбкой наблюдал за их вытянувшимися лицами. Друзья явно пребывали в полнейшем ступоре, силясь переварить услышанное.

«Что значит — сошёлся с Ван Сюанем? Как это — скоро будут дети? А где тогда мать?»

Неужели...

— Мы с братом Гоуданем вместе, — спокойно пояснил Ван Сюань. — Вы ведь знаете, что мы не родные по крови? Если кому-то из вас это кажется дикостью или вызывает брезгливость — что ж, насильно мил не будешь, станем просто реже видаться.

Он говорил открыто, доброжелательно, но в его тоне сквозило абсолютное равнодушие к чужому суждению.

У гостей глаза полезли на лоб. Как-никак люди образованные, они прекрасно поняли, о чём речь. В истории Китая подобные союзы никогда не были редкостью — все они читали и про «страсть обрезанного рукава», и про «отраду персикового дерева». Но одно дело — пыльные хроники былых династий, и совсем другое — когда это касается твоих близких друзей. Притом людей столь незаурядных, успешных и ярких.

За столом воцарилось неловкое молчание. Никто не находил слов. Наконец Дэн Цзяхуэй, тяжело вздохнув, нарушил тишину:

— Решение, надо полагать, взвешенное и окончательное? Что ж, нам, как друзьям, остаётся только пожелать вам счастья.

Остальные согласно закивали, тихонько вздыхая. Пазл в их головах наконец сошёлся: теперь становилось понятно, почему в студенческие годы эти двое были неразлейвода. Их привязанность казалась чрезмерной, порой даже странной, но тогда никому и в голову не могло прийти ничего предосудительного. Да и у кого бы повернулся язык заподозрить такое?

— А с ребёнком как же? — осторожно спросил Чэнь Вэньлай. — О каком прибавлении ты говорил?

В его голове уже зароились нехорошие мысли: неужели они втянули в это дело какую-то невинную девушку? Это было бы слишком жестоко.

— Не переживайте, — успокоил его Гоудань. — Всё законно. Мы обратились в зарубежную клинику, воспользовались услугами суррогатной матери. Процедура ЭКО, биоматериал взяли из специализированного банка. Малыш уже под сердцем у женщины, так что в следующем году станем родителями.

Кто бы мог подумать? Встреча выпускников начиналась так буднично, эти несколько дней они провели просто замечательно, вспоминая юность. И вот перед самым разездом, собравшись в гостях у Гоуданя на прощальный ужин, они завели шутливый разговор о семейных посиделках — и тут на них вывалили такое известие.

Верный товарищ пренебрёг женской красотой, предпочёл тихую гавань в объятиях названного брата, да ещё и ребёнка ждёт из-за границы. Всё это казалось каким-то фантастическим романом, а не суровой реальностью.

Впрочем, все они давно выросли, хлебнули жизни и научились держать лицо. Каково бы ни было их личное отношение, потрясение быстро улеглось. К тому же Гоудань заговорил об этом не ради дешёвого эпатажа — просто к слову пришлось. Ему претила сама мысль юлить, прятаться и разыгрывать перед близкими людьми комедию. Теперь ему было глубоко плевать на пересуды за спиной. Сказал — и на душе стало легко.

Гости, хоть и пребывали в лёгком замешательстве, глядя на абсолютное спокойствие хозяев дома, постепенно пришли в себя. Перед ними сидели всё те же надёжные, успешные друзья, ничуть не изменившиеся от признания.

— Каждый волен жить так, как считает нужным, — подал голос Се Сьюэ, поправив очки в тонкой оправе. — Посторонним тут делать нечего. Мы люди просвещённые, чай не в средневековые живём, чтобы мерить мир узкими рамками. Наше дело — уважать выбор друга. Если человек не нарушает закон и никому не причиняет зла, то какая разница, кого он любит?

Тут все вспомнили, что Се Сьюэ успел несколько лет поучиться за границей — видать, западные веяния расширили его кругозор. С его доводами трудно было спорить. Ли Кай жил своим умом, никого не стеснял, а его богатство и независимость позволяли плевать на любые условности.

— Да мы ведь без дурных мыслей, — поспешил заверить его Дэн Цзяхуэй. — Твою жизнь уважаем, просто обухом по голове ударило. Ну ты и скрытный тип! Четыре года в одной комнате бок о бок прожили, и хоть бы словом обмолвился!

— И не говори! — рассмеялся Ван Фан. — Мы же у вас на глазах в одних трусах щеголяли, в бане вместе мылись... Как вспомню теперь...

— Да ну вас лесом! — отмахнулся Гоудань с притворной досадой. — То, что мне нравятся мужчины, означает лишь то, что я люблю своего Ван Сюаня, а не бросаюсь на каждого встречного. Так что не обольщайтесь, господа, для меня вы просто старые приятели, и никакого плотского интереса я к вам не питаю.

— Вот именно, Ван Фан, много о себе мнишь! На твою неряшливую рожу без слёз не взглянешь, — подколот Чжао Шэн.

Ван Сюань тоже не упустил случая вставить шпильку:

— Тут без вариантов. Брата Гоуданя не так-то просто завоевать, а уж с твоими повадками и подавно ловить нечего.

Шутки и подначки быстро развеяли остатки неловкости. В конце концов, какое им дело? С кем Гоуданю ложиться в постель — его личная забота. Да и глупо соваться с советами к человеку, который ворочает миллионами. Богачи чудят по-всякому, а тут люди любят друг друга и собираются строить крепкую семью — радоваться надо.

Разговор плавно перетёк на тему суррогатного материнства. Для рубежа веков технология казалась чем-то из области научной фантастики. «Дети из пробирки», искусственное оплодотворение — от одних этих слов веяло запредельным хай-теком.

— Всё предельно просто, — принялся объяснять Ван Сюань. — Обращаешься в авторитетную клинику, врачи подбирают лучшие донорские яйцеклетки, соединяют со здоровыми сперматозоидами. Затем отбирают самый жизнеспособный эмбрион. Заключается договор с суррогатной матерью, оплачиваются расходы. Девять месяцев ожидания — и забираешь здорового младенца, выплатив остаток суммы по контракту.

— И всё? Так просто? — удивился Чэнь Вэньлай.

— С технической точки зрения — да, — кивнул Ван Сюань. — Но в США это удовольствие стоит баснословных денег. Там многие состоятельные дамы прибегают к таким услугам, чтобы не портить фигуру беременностью и родами. Для них это обычное дело, а ребёнок всё равно остаётся плотью от плоти своих родителей.

— Ну уж нет, я по старинке, — покачал головой Дэн Цзяхуэй. — Пусть моя благоверная сама рождает. И надёжнее, и семейный бюджет целее будет.

— Смотри, не ляпни такое при жене, — хмыкнул Чжао Шэн. — Живьём закопает за то, что удержишь её за бесплатный инкубатор. Ещё и скрягой прослывёшь.

Проводив однокашников на самолёты и поезда, Гоудань и Ван Сюань наконец-то вздохнули свободно. Напряжённые праздничные дни остались позади. Выкроив неделю в плотном рабочем графике, они улетели на затерянный в тропиках остров. Арендовали роскошную яхту, целыми днями плавали в лазурных волнах, удили рыбу, лакомились свежайшими морепродуктами под изысканное вино. Наконец-то они могли безраздельно принадлежать друг другу, укрывшись от забот в своём маленьком раю.

Целую неделю среди бескрайней лазури неба и океана они не думали ни об отчётах, ни о бесконечных совещаниях. Это было абсолютное, хмельное счастье полного покоя.

На их уровне достатка деньги давно перестали быть заботой, но вот свободное время превратилось в непозволительную роскошь. Жизнь закрутила их в бешеном водовороте дел. Каждую минуту приходилось помнить: всех денег не заработаешь, пора бы и честь знать, отдохнуть... Но стоило на секунду ослабить хватку, как бизнес требовал личного присутствия. Поэтому такие редкие дни, когда можно было забыть обо всём на свете, бездельничать и просто наслаждаться близостью друг друга, они ценили на вес золота.

Идиллия продолжалась до тех пор, пока телефонные аппараты не раскалились от непрерывных звонков секретаря Гоуданя и Ло Цзухуэя, делового партнёра Ван Сюаня. Пришлось, скрепя сердце, собирать чемоданы.

— Понравилось? В следующий раз обязательно сюда вернёмся, — пообещал Гоудань, обнимая любимого за талию.

— Сюда — не надо, — улыбнулся Ван Сюань. — В мире полно других мест, давай лучше откроем для себя что-нибудь новенькое.

— Договорились. К слову, я слышал, что за границей свободно продаются целые острова. Если хочешь, присмотрели бы живописный клочок земли посреди океана, обустроили бы его по своему вкусу. Будет куда прилететь на выходные. Можно даже парочку купить в разных частях света — я узнавал, небольшие острова стоят не так уж дорого.

— Серьёзно? — Ван Сюань удивлённо приподнял бровь.

— Вполне.

— Боюсь только, со временем у нас станет ещё меньше свободных дней. Купим, а он будет пустовать — пустая трата денег.

— Ну и пусть пустует, — рассмеялся Гоудань. — Зато свой. К тому же у нас полно недвижимости в крупных городах Китая. Если лень лететь за рубеж, всегда можно рвануть на наши курорты. Было бы желание, а уж приют мы себе везде найдём.

Восхитительный отпуск пролетел как один миг. На следующий день они уже летели обратно. В столице полным ходом шёл декабрь, близился день зимнего солнцестояния. Город встретил их привычной сыростью и пронизывающим до костей ветром. Зато дома, в просторной вилле Поместья Изумрудного Сада, было тепло и уютно — отопление включили на полную мощность к их возвращению.

— Тётушка Цзян, отец с мачехой ещё не воротились из деревни? — поинтересовался Ван Сюань, снимая тяжёлое пальто.

Некоторое время назад Ли Сы звонил им и мимоходом упомянул, что они с Яо Юньлань промышляют на местном рынке торговлей домашней зеленью да свежими яйцами — дело шло споро, и старики были вполне довольны своей незамысловатой коммерцией.

— Нет ещё, — донёсся из кухни приветливый голос поварихи.

Не так давно Гоудань обзавёлся престижной квартирой в элитном жилом комплексе неподалёку от Поместья Изумрудного Сада. Жильё относилось к так называемым «школьным

домам» — в шаговой доступности располагались лучшие частные детские сады и школы столицы, обучение в которых стоило целое состояние.

К сентябрю следующего года младшему братишке Ли Бэйшэну предстояло пойти в первый класс, а пока он оканчивал старшую группу детского сада. Когда Ли Сы и госпожа Яо гостили в городе, они селились вместе с мальчиком в новой квартире, чтобы старикам было сподручнее водить его на занятия. Столичной пропиской они не обзавелись, так что покупка элитных квадратных метров в нужном районе была единственным способом устроить ребёнка в хорошее учебное заведение.

Впрочем, надолго в столице старики не задерживались, предпочитая родную деревню Сикань. Первое время они ютились в мегаполисе лишь из-за Бэйшэна, боясь, что домашний ребёнок не приживётся в чужой среде. Но стоило мальчику освоиться, как Ли Сы, человек простой и неприхотливый, засобиравшись обратно. Он рассудил здраво: в деревне у них крепкое хозяйство, возраст ещё позволяет обходиться своими силами, незачем обременять старших сыновей заботой. Вот и уезжали они с женой в родные края при первой возможности.

Яо Юньлань во всём слушалась мужа. Душа её, конечно, болела за младшенького, но спорить со строгим супругом она не смела. К тому же женщина понимала: в столице мальчику дадут такое образование, о каком в захолустье и мечтать не смеют. Большую часть года супруги проводили в Сикане — копались на огороде, растили птицу и наслаждались привычным деревенским укладом.

Там они прожили всю жизнь. Пусть в деревне не было сверкающих небоскрёбов, зато дышалось легко и вольно — хоть золотое гнездо вей, а своя конура милее. Впрочем, их деревенский дом трудами сыновей превратился в настоящую усадьбу — просторную, добротную, любо-дорого посмотреть. Бросать такое благоустроенное жильё без пригляда было жалко, да и старые соседи и родня всегда под боком.

В столице же они чувствовали себя чужаками. Ни знакомых, ни поговорить не с кем. Целыми днями сидишь в четырёх стенах на всём готовом — форменное заточение, тоска зелёная. А от безделья и тоски старики быстро начинают дряхлеть да хворать. Стоило им вернуться к привычному крестьянскому труду и вечерним посиделкам на завалинке с односельчанами, как все недомогания как рукой снимало.

Гоудань не препятствовал отцовской воле. Благодаря заботе Ван Сюаня, который регулярно давал им целебные снадобья, здоровье у стариков было богатырским. Зачем же удерживать их в городе силой?

А вот Бэйшэна пришлось оставить в столице — мальчик ходил в детский сад, учился играть на пианино и занимался рисованием. Поначалу он ревел белугой и требовал вернуть его в деревню, но строгие педагоги быстро приучили сорванца к дисциплине, а новые друзья помогли забыть о капризах. Теперь он с радостью бежал на занятия.

Когда родители уехали, на плечи Гоуданя и Ван Сюаня легла забота о брате. Из-за постоянной

занятости выкраивать время на ребёнка было некогда, поэтому они переговорили с тётушкой Цзян. Ей прилично подняли жалованье, вменив в обязанность не только готовку и уборку, но и присмотр за маленьким Бэйшэном — её попросили отводить и забирать его из садика.

Тётушка Цзян согласилась без колебаний. Женщина разменяла шестой десяток, сил у неё было предостаточно, а хозяева платили царски. Работа не пыльная: прибрать, приготовить обед, да за малым присмотреть. Дома она занималась тем же самым, только бесплатно, а тут за каждую услугу платили звонкой монетой. Забрать ребёнка с автобуса — дело нехитрое. Зато лишняя копейка в кармане: накопит за пару лет круглую сумму и отправит сыну в деревню, на постройку нового дома. О такой доле можно было только мечтать.

Договор устроил всех, и для Бэйшэна началась новая, куда более самостоятельная жизнь. Родители уехали, старшие братья пропадали на работе с утра до ночи. Хотя тётушка Цзян и пеклась о нём как о родном, в огромном пустом доме малыш частенько чувствовал себя одиноко.

Постепенно сорванец присмирел, подрос. Утром жёлтый школьный автобус забирал его у ворот жилого комплекса, а после обеда привозил обратно, где его уже встречала тётушка Цзян. Пока она хлопотала у плиты, мальчик послушно усаживался за уроки. Вечером возвращались братья. Семья ужинала, Гоудань строго проверял тетрадки, после чего Бэйшэн отправлялся в ванную и ложился спать. Жизнь текла по строгому расписанию.

Бэйшэн понимал, что братья крутятся как белки в колесе. Он знал: его престижный садик стоит дорого, и старшие работают не покладая рук, чтобы оплатить его капризы. Если они задерживались, то обязательно звонили предупредить, и тогда за ужином компанию ему составляла тётушка Цзян. Для неё в доме выделили отдельную гостевую спальню. Если братья уезжали в командировку, она ночевала на вилле, чтобы ребёнок не оставался один. Когда же хозяева были дома, она со спокойной совестью уходила ночевать к своему мужу.

Вот и сейчас братьев не было уже целую неделю. Старший брат, конечно, бывал суров и гонял его за малейшую провинность, но без него в доме становилось тоскливо. Бэйшэн скучал. Ребёнку тяжело оставаться без семьи, даже если грозный Гоудань обычно не баловал его вниманием. Малыш просился с ними, но брат отрезал: «Тебе надо учиться, глупости из головы выбрось».

— Эх... — протяжно вздохнул Бэйшэн, поудобнее устраиваясь на мягком сиденье автобуса.

Сопровождавшая детей воспитательница не удержалась от улыбки. Надо же, такой клоп, а вздыхает как умудрённый опытом старик!

— О чём грустишь, Бэйшэн? — ласково спросила она.

— Братья уехали развлекаться, а меня с собой не взяли, — надулся мальчик. — Я их уже целую вечность не видел!

Учителя в элитном саду частенько обменивались сплетнями, так что девушка была в курсе семейных дел воспитанника. Она знала, что родители Бэйшэна — пожилые крестьяне из глухой провинции. Всем заправлял его старший брат, который и оплачивал баснословные счета за обучение. Обычной столичной семье такие расходы были не под силу, что уж говорить о престарелых деревенских жителях.

— Они наверняка уехали по делам, — мягко возразила воспитательница. — К тому же твоему старшему брату нужно устраивать личную жизнь, встречаться с девушками.

«Где ему возиться с тобой? Брать с собой ребёнка на свидания — только мешать»

Бэйшэн недовольно насупился. Он уже знал, что такое «невеста».

— Нет у них никаких невест! Ни у одного, ни у другого! — упрямо буркнул он.

Девушка лишь понимающе улыбнулась, не став спорить с ребёнком. А ведь поначалу этот деревенский бесенок доставлял немало хлопот. Когда его только привели, воспитатели за головы хватались от его выходок. За год паренёк заметно обтесался, привык к хорошим манерам. Теперь хоть на человека стал похож, вон, даже философски вздыхать научился.

Ван Сюань предупредил тётушку Цзян, что сам встретит Бэйшэна, и попросил её не отвлекаться от ужина. Та с радостью согласилась. Господин Ван частенько баловал младшего вниманием и сам заезжал за ним в садик. Поначалу соседи и воспитатели принимали статного молодого человека за отца мальчика, и лишь когда Бэйшэн звонко закричал «брат Ван!», поняли свою ошибку.

Всю дорогу Бэйшэн увлечённо спорил с сидевшей рядом девочкой. Воспитательница не вмешивалась — детские препинания были вполне безобидными. В разгар дебатов над ухом звякнул колокольчик, и водитель объявил остановку:

— Поместье Изумрудного Сада!

— Ну и ладно, моя остановка, — фыркнул Бэйшэн, гордо вскинув подбородок, и поспешил к выходу. Спрыгнув на тротуар, он так и замер.

У ворот стоял Ван Сюань. Глаза мальчишки радостно засияли:

— Брат Ван! Ты вернулся!

Ван Сюань невольно заулыбался, видя неподдельную детскую радость:

— Привет, непоседа. Вернулись мы с твоим братом. Не замёрз?

Бэйшэн отчаянно замотал головой и крепко обхватил его за ногу. Ван Сюань ласково потрепал его по макушке, поблагодарил воспитательницу и, дождавшись, пока мальчик вежливо попрощается, взял его за руку. Они не спеша зашагали в сторону дома.

За целую неделю разлуки Бэйшэн ужасно соскучился по мягкому, доброму брату Вану. Оказавшись рядом с ним, он прямо-таки сиял от счастья. Всю дорогу до виллы малыш без умолку трещал о садике, делился всеми новостями, а Ван Сюань терпеливо слушал, с улыбкой сжимая его крохотную ладошку.

Территория Поместья Изумрудного Сада была огромной: ухоженные сады, извилистые аллеи, бассейны и игровые площадки. В зимнюю стужу путь от главных ворот до их дома казался бесконечным, особенно для коротких детских ножек. Тётушка Цзян обычно забирала Бэйшэна на велосипеде с детским креслом, но Ван Сюань считал, что мальчику полезно двигаться. Поэтому он принципиально пришёл пешком, приучая младшего к пешим прогулкам.

Впрочем, переполнявшая Бэйшэна радость начисто лишила его усталости. Малыш весело вприпрыжку бежал рядом, то и дело заглядывая Ван Сюаню в глаза:

— Брат Ван, а ты привёз мне подарочек? Что там? Ну скажи!

— А вот вернёмся домой, сам всё увидишь, — заговорщически подмигнул Ван Сюань. — Кстати, твой старший брат тоже приготовил для тебя сюрприз.

— Правда? Братец Гоудань тоже купил? — изумился Бэйшэн.

В представлении ребёнка все подарки всегда исходили от Ван Сюаня. Тот покупал ему игрушки, одежду, сладости и явно души в нём не чаял. По крайней мере, сам Бэйшэн в этом ни капли не сомневался.

А вот суровый Гоудань баловством не занимался. Максимум — давал отцу денег, наказывая купить Бэйшэну то, что тот выберет во время прогулок. Но прижимистый Ли Сы тратить не любил. На любые капризы сына он неизменно ворчал: «Дома и так игрушек девать некуда!», и в лучшем случае покупал какое-нибудь лакомство. Так что все машинки, конструкторы и даже чудесная музыкальная шкатулка появились у мальчика только благодаря доброму брату Вану.

— Твой брат очень тебя любит, — мягко возразил Ван Сюань. — Просто он постоянно занят делом, зарабатывает деньги, чтобы ты ни в чём не нуждался. И все те подарки, что я тебе приносил, мы выбирали с его одобрения.

— Вот оно как... — протянул шестилетний Бэйшэн, забавно картавя. — Выходит, братец Гоудань меня совсем-совсем не ненавидит?

Ван Сюань ласково погладил его по голове. Волосы у мальчишки были мягкими, а череп — ровным, аккуратным. Не то что у Гоуданя в детстве: у того затылок и лоб выдавались вперёд, точно чугунный молот. Старики в деревне, едва завидев такую форму головы, сразу качали головами — мол, бунтарь растёт, сплошное упрямство.

— Ну конечно не ненавидит, глупенький, — улыбнулся Ван Сюань. — С чего бы ему тебя ненавидеть? Просто он не выносит лишнего шума и суеты.

Особенно детских истерик и непрекращающегося воя по пустякам.

— А я больше не шумлю! — тут же заверил его Бэйшэн, преданно заглядывая в глаза.

Мальчик уже и думать позабыл, каким несносным сорванцом был ещё год назад. Если бы он тогда не изводил всю деревню своими проказами, отец ни за что не отправил бы его в столицу на перевоспитание к старшему брату.

Смеясь и болтая, они вошли в тёплую прихожую виллы, оставив за дверью клубы морозного пара. Сбросив зимнюю обувь, они обулись в пушистые домашние тапочки. Бэйшэн, укутанный в тёплую куртку так, что стал похож на упитанный колобок, тут же устремился в гостиную.

Привычным жестом схватив пульт, он включил детский телеканал. На экране крутили рекламу. Сверившись с висевшими на стене большими часами, мальчик разочарованно вздохнул и выключил телевизор. До мультфильмов оставалось ещё полно времени. Бэйшэн аккуратно стянул ранец, позволил Ван Сюаню расстегнуть куртку, а затем, достав тетрадки, разложил их прямо на низком стеклянном столике, за которым обычно пил чай Гоудань.

— Бэйшэн, шёл бы ты за свой рабочий стол, — мягко пожурил его Ван Сюань. — Здесь же неудобно, спина затечёт.

— Мне и тут хорошо, — упрямо буркнул тот, даже не подняв головы от тетрадки. Ван Сюань лишь покачал головой и не стал настаивать.

Из кухни высунулась тётушка Цзян, державшая в руке половник:

— Да он просто боится мультики пропустить! В его комнате часов нет, за временем не уследишь. А здесь всё под рукой: и циферблат перед глазами, и телевизор рядом.

«Ишь какой хитрый, каждую минуту выгадывает!» — подумал Ван Сюань.

Впрочем, это лишь доказывало, что труды нанятых детских психологов и репетиторов не прошли даром. Мальчик научился ценить время и планировать свой день: вместо праздного безделья в ожидании любимой передачи он без лишних уговоров уселся за уроки. Пусть он то и дело косился на часы, для семилетнего ребёнка это был огромный шаг вперёд.

— Бэйшэн, иди всё-таки в комнату, — предпринял ещё одну попытку Ван Сюань. Он посмотрел, как малыш, стоя на цыпочках, навалился грудью на холодную стеклянную столешницу. — Я сам позову тебя, как только начнутся мультфильмы.

— Нет, я здесь допишу, — упрямо повторил мальчик.

— Как знаешь, — сдался Ван Сюань. — Но учти: твой подарок уже ждёт тебя на кровати. Иди посмотри.

Бэйшэн так и замер с занесённым над тетрадкой карандашом. В следующую секунду он сорвался с места и вихрем умчался в свою комнату. Вскоре оттуда донёсся восторженный детский визг. Ван Сюань тепло улыбнулся: дети во все времена остаются детьми, и ничто не радует их больше новой игрушки.

Ли Кай выключил компьютер. Напоследок он набрал номер своего помощника и велел тому забрать со стола подготовленные отчёты — секретарю предстояло немного задержаться, чтобы систематизировать документы к завтрашнему совещанию. Накинув на плечи тёплое пальто, Ли Кай неторопливо спустился на первый этаж.

— Освободился наконец? — окликнул его Ван Сюань, сидевший на диване. — Иди выпей имбирного чаю. Мы только вчера грелись под тропическим солнцем, а сегодня вернулись в эту стужу. Организм может не выдержать такой резкой перемены.

Ли Кай послушно опустился рядом с ним. Вообще-то он терпеть не мог имбирь, но Ван Сюань умел заваривать этот напиток по какому-то особому рецепту: чай получался мягким, ароматным, без привычной горькой остроты, и приятно согревал изнутри.

<http://bllate.org/book/19654/1996885>